

УДК 94(100) "18"

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Б. В. Носов

Российская гарантия государственного устройства шляхетской Речи Посполитой и политика России в Польше в начале восстания Барской конфедерации (1768 год)

Носов Борис Владимирович
Доктор исторических наук, заведующий отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnossov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

Носов Б. В. Российская гарантия государственного устройства шляхетской Речи Посполитой и политика России в Польше в начале восстания Барской конфедерации (1768 год) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 12–55. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Статья поступила в редакцию 15.08.2022.

Аннотация

В статье рассматривается политика России в Польше в XVIII в., направленная на установление зависимости шляхетской республики от Петербурга. Эта политика реализовывалась и в начальный период восстания Барской конфедерации, вспыхнувшего после ратификации сеймом в феврале 1768 г. российско-польского трактата о гарантии государственного устройства шляхетской республики и уравнения в сословных и политических правах католической и диссидентской (протестантов и православных) шляхты. На основе материалов Архива внешней политики Российской империи автор рассматривает попытки русского посла в Варшаве Н. В. Репнина заручиться поддержкой польского короля и магнатских группировок (в первую очередь «фамилии» Чарторыйских) для созыва нового сейма, который должен был объявить конфедерацию незаконной. Провал попыток созыва сейма и начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг. предопределили неудачу политики Петербурга добиться разрешения возникшего кризиса посредством компромисса с магнатскими верхами. Вместе с тем политические усилия России в период подготовки осеннего сейма 1768 г. объективно способствовали стабилизации польской государственности и в определенной мере – ее политической модернизации.

Ключевые слова

Политический строй Речи Посполитой, политика России в Польше в XVIII в., привилегии польской шляхты, польские реформы, сейм, Барская конфедерация.

Отмеченное в Польше в 2018 г. 250-летие со времени начала восстания Барской конфедерации (1768–1772 гг.) стало заметным событием в научной и общественной жизни, что, как представляется, послужило стимулом и для российских исследователей обратиться к этой теме¹. Барская конфедерация сыграла существенную роль в российской политике в отношении Речи Посполитой в конце 1760-х – начале 1770-х годов. При этом в российской историографии, в сравнении с другими проблемами российско-польских отношений в царствование Екатерины II, Барской конфедерации уделено относительно немного места. В трудах российских историков борьба с конфедератами затрагивалась исключительно как второстепенная проблема либо в связи с русско-турецкой войной 1768–1774 гг., либо в связи с крестьянским восстанием на Правобережной Украине, получившим в русской и польской историографии название Колиивщина. Примечательно, что даже в «Истории России...» С. М. Соловьева эти три проблемы, представляющие собой очевидную совокупность, рассмотрены по отдельности. А сама история Барской конфедерации как таковая (при том, что уделено ей совсем немного внимания) описана практически на полях 27 тома в третьей главе, охватывавшей период 1766–1768 гг. и озаглавленной «Борьба с Польшею за диссидентов»².

Практически одновременно с трудами Соловьева, с 1866 по 1874 гг., вышли в свет 5 томов монографии А. Н. Петрова «Война России с Турцией и Польскими конфедератами. 1769–1774»³. Его исследование, как и труды Соловьева, стало также откликом, с одной стороны, на польское Январское восстание 1863 г., а с другой – на столетие

¹ Совместно российскими и польскими исследователями на основе материалов сибирских архивов был издан труд: *Данильчик А., Крих А. А., Мулина С. А.* Барские конфедераты в Западной Сибири: Биографический словарь. СПб., 2019.

² *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга XIV. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 27–28. С. 219 и далее. См. также: *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.

³ *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774. СПб., 1866–1874. Т. 1–5.

русско-турецкой войны, положившей начало Восточному вопросу, роковому для всей истории международных отношений последней трети XVIII и всего XIX в. в Европе. В целом подход Петрова к описанию войны с барскими конфедератами мало чем отличался от концепции Соловьева, за исключением одной существенной особенности, а именно, его намного более обстоятельного обращения к франкоязычным источникам, восходящим, применительно к истории Барской конфедерации, к французской дипломатии и к лагерю конфедератов, в первую очередь к «Истории...» Клода Рюльера⁴.

Думается, что выработанные Соловьевым, ставшие классическими и многократно повторенные последующими исследователями концепция и структура изложения истории противостояния России и барских конфедератов были обусловлены современной описываемым событиям политической тенденцией, отраженной в исторических источниках XVIII в. российского происхождения, следовавших за официальной позицией правительства Екатерины II. В дальнейшем эта точка зрения была воспринята российской историографией XIX – начала XX вв.

Согласно указанной концепции истории русско-польских отношений XVIII в., движение барских конфедератов представляло собой не более чем действия разбойничьих шаек мелкой шляхты, бесчинствовавших в охваченной анархией шляхетской республике. Именно так с самого начала, по указанию шефа русской внешней политики Н. И. Панина, российской пропаганде надлежало представлять Барскую конфедерацию как в Речи Посполитой и в России, так и при европейских дворах⁵. То, что подавляющее большинство барских конфедератов представляло собой «сборища» мелкой «незаможной» шляхты, не раз подчеркивал и игравший в то время ключевую роль в русско-польских отношениях российский посол в Речи Посполитой Н. В. Репнин, пренебрежительно указывая, что это люди, «ни кола, ни двора не имеющие, кроме имени дворянского». Примечательно, что аналогичного мнения придерживался и выступавший на стороне

⁴ *Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république. Paris, 1807. Vol. 1–4.*

⁵ Рескрипт Екатерины II Н. В. Репнину. 28 марта (8 апреля) 1768 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). СПб., 1893. Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 г. С. 67–68; Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 31 марта (11 апреля) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 101–103.

конфедератов, направленный к ним представитель секретной дипломатии Людовика XV Клод Рюльер. Он писал, что «мирные жители страны, землевладельцы» называли конфедератов «разбойниками»⁶. Отзыв Рюльера, сравнившего конфедератов с разбойниками, находит подтверждение в свидетельствах шляхтичей-диссидентов, бежавших от произвола конфедератов в Курляндию⁷.

В польской исторической литературе изучение Барской конфедерации имеет богатейшую публицистическую и историографическую традицию⁸, однако и там политике России уделено немного внимания. В классической для польской историографии монографии Владыслава Конопчиньского автор следующим образом охарактеризовал политику Екатерины II: «Коль скоро на долю России к выгоде для Пруссии выпала роль насильника в отношении Речи Посполитой, то Репнин исполнил ее до конца. В то время как по стране подобно мифической гидре отрастали новые головы конфедерации, – самой Речи Посполитой грозила смертью надвигавшаяся с Запада война»⁹. Не характеризуя труд Конопчиньского в целом, отметим только, что выдающийся польский историк опирался и на материалы российских архивов, однако, уделив главное внимание истории собственно Барской конфедерации и внутреннему положению в Речи Посполитой, он, по понятным причинам, оставил проблемы русской политики на втором плане. В рамках этой общей концепции, не рассматривая стратегию и тактику Петербурга в деталях, вслед за Конопчиньским обращались к истории Барской конфедерации и последующие польские исследователи, сосредоточив внимание на самом движении, на его социальной

⁶ *Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne... Vol. 3. P. 22.*

⁷ К. Симолин – Н. И. Панину. 30 августа (10 сентября) 1768 г. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 63. Сношения с Курляндией. Оп. 63/7. Д. 222. Л. 43–46. Перевод см.: Там же. Л. 47–51.

⁸ См.: *Grabski A. F. Dzieje historiografii. Poznań 2003; Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania. Warszawa, 1972; Grabski A. F. Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa, 1976; Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970; Wierzbicki A. Historiografia polska doby romantyzmu. Wrocław, 1999.*

См. также: *Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa, 1991. Т. 1–2; Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. Т. 2; Michalski J. Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. Т. 2. S. 483–692; Michalski J. Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław, 1970.*

⁹ *Konopczyński W. Konfederacja barska. Т. 1. S. 143.*

природе, политической и идейной эволюции, а также на внутривоспольской борьбе в среде конфедератов.

Об оценках Барской конфедерации в новейшей польской историографии свидетельствуют принадлежащие перу в том числе и ведущих польских историков научно-популярные очерки, приуроченные к 250-летию со дня провозглашения восстания. Одно перечисление поднятых тем¹⁰ указывает на то, что история конфедератской войны была всесторонне рассмотрена в указанных публикациях. Однако центральный вопрос: «Шляхетский рокош или национальное восстание?», поставленный редактором журнала «Говорят века» Т. Богуном, был оставлен авторами практически без ответа. «Последнее время, – по словам редактора, – о конфедерации охотно говорят как о первом польском национальном восстании. Однозначно она стала проявлением первого ряда старого анархического польского республиканизма. Часть прежних польских конфедератов в дальнейшем осталась на позициях измены (королю Станиславу Августу и шляхетской республике. – Б. Н.), однако другие решились на сотрудничество с королевским лагерем. Это стало уже осознанным проявлением отхода от анархической традиции польского сарматизма»¹¹.

Причиной и поводом к восстанию конфедератов стал протест большинства польской шляхты против постановлений сейма 1767 г. об уравнении в сословных и политических правах католической польской

10 См.: *Adamski Ł.* Zapomniane powstanie // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 8; [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun // *Ibid.* S. 9–13; *Kosińska U.* Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku // *Ibid.* S. 14–17; *Dukwicz D.* Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji // *Ibid.* S. 18–21; *Zielińska Z.* Stanisław August wobec konfederacji barskiej // *Ibid.* S. 22–25; *Milewski D.* Portret zbiorowy liderów konfederacji // *Ibid.* S. 26–30; *Kopczyński M.* Królobójcy? // *Ibid.* S. 31–34; *Waśkiewicz A.* Rousseau i paladium szlacheckiej wolności // *Ibid.* S. 35–38; *Milewski D.* Taktyka konfederatów // *Ibid.* S. 39–43; *Bohun T.* Rosjanie przeciw konfederacji barskiej // *Ibid.* S. 44–47; *Bohun T.* Koliszczynna: bunt czy rosyjska inspiracja? // *Ibid.* S. 48–51; *Haratym A.* Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orszańska // *Ibid.* S. 52–55.

11 [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? S. 11. См. также: *Konfederacja barska 1768–1772 / pod red. A. Danilczyka.* Warszawa, 2018.

шляхты с представителями диссидентских конфессий в составе польского рыцарства. В полной мере полновластие польской шляхты и ее практически неограниченные сословные привилегии, доведенные до высшей степени политические права и свободы, включая право *liberum veto* и право конфедерации (то есть легитимного восстания против верховной власти), были гарантированы Российской империей, что было закреплено в особом трактате между сеймом Речи Посполитой и Екатериной II. Однако режим российской гарантии, не затрагивая шляхетские свободы, формально отражал ограничение суверенитета шляхетской республики и ее зависимость от Российской империи, что вполне сознавали шляхетские верхи и правящие магнатские группировки. Таким образом, отвергая навязанное равноправие католической и иноверческой шляхты, а также установленную зависимость республики от политической воли Петербурга, конфедераты восстали под лозунгами защиты католической веры и шляхетской вольности.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение политики России в условиях режима российской «гарантии» в отношении республиканских институтов Речи Посполитой в начальный период восстания Барской конфедерации, охватывая период до объявления на исходе 1768 г. русско-турецкой войны и неудачной попытки созыва сейма в ноябре 1768 г. При этом мы опираемся на источники русского происхождения, прежде всего дипломатическую корреспонденцию русского посла в Варшаве с Петербургом, хранящуюся в Архиве внешней политики Российской империи и опубликованную в сборниках Русского исторического общества.

Значение для русской политики провозглашенной 29 февраля 1768 г. в Баре шляхетской конфедерации не сразу было осознано Н. В. Репниным, игравшим, по мнению его польских современников, фактически роль русского проконсула в Польше. Первоначально не придали ей значения и шефы Репнина в Петербурге, надеявшиеся, что «туча сия вскоре минует». Однако уже в середине марта посол изложил план борьбы с конфедератами. Ему представлялось возможным через восемь дней собрать сенатский совет и от его имени обратиться к Екатерине II как к гаранту польской конституции. Однако, замечал посол, это стало бы «нарушением традиции и законов», так как такое обращение есть прерогатива сейма. Провести же сейм без конфедерации сторонников России невозможно, так как в этом случае он будет сорван. Поэтому, писал Репнин, следует «собрать маленькую конфедерацию» в Варшаве. В любом случае, по словам посла, необходимо применить войска и сохранить

в незыблемости позиции России в Польше¹². В качестве маршала новой пророссийской конфедерации он предлагал молодого графа Францишка К. Браницкого¹³.

Депеша Репнина была написана сразу после разговора посла с королем Станиславом Августом, о чем свидетельствует приведенная в депеше точная дата созыва сенатского совета (состоялся 24 марта), а также полученные от короля и приложенные к депеше копии документов. Поэтому и изложенный послом план, возможно, был согласован с королем или даже им и предложен. Здесь же Репнин писал, что война с возникшей конфедерацией грозит вызвать большую войну с Оттоманской Портой, чего желательно бы избежать, однако, по мнению посла, лучше «их (турок. – *Б. Н.*) предупредить, нежели еще более возгордиться чрезвычайными уважениями к их прихотям»¹⁴.

Опасения Репнина вполне разделяли в Петербурге. Руководитель русской внешней политики 1760–1770-х годов Н. И. Панин предоставил послу полную свободу действий для «скорейшего разогнания мятежников» – либо по решению сенатского совета; либо по постановлению новой конфедерации и ее главы – Ф. К. Браницкого «или кого иного»; либо на основе российской декларации и в силу трактата о гарантии¹⁵. В последнем случае военные действия России против конфедератов могли бы расцениваться, с одной стороны, как неприкрытая интервенция, а с другой – как законный акт восстановления республики (*respublicae constituendi*). Однако в инструкциях Панина ничего не было сказано о возможном проведении сейма, очередной созыв которого предстоял осенью 1768 г. Это, вероятно, означало, что в Петербурге рассчитывали на разгром конфедерации не позже окончания летней военной кампании, еще до проведения сеймиков, на которых предстояло избрать послов на сейм.

В Петербурге рассчитывали, что, не дожидаясь созыва сейма, легитимное основание для разгрома Барской конфедерации даст собранный королем в марте 1768 г. сенатский совет. Донося о его ходе и решениях, Репнин сообщал, что в центре тамошней дискуссии, во-первых, был вопрос о законности Барской конфедерации: рассматривать ли «барское

12 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 5 (16) марта 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 1–7 об.

13 Постскрипtum к депеше от 5 (16) марта 1768 г. – Там же. Л. 10–10 об.

14 Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 220.

15 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 31 марта (11 апреля) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 101–103.

возмущение» как подлежащий подавлению бунт или как правомерное восстание свободной шляхты в защиту поправленных прав. В первом случае сенат и король обладали полномочиями подавить выступление вооруженной силой, во втором – конфликт властей и конфедерации мог быть разрешен только на сконфедерированном сейме примирения. Во-вторых, дискуссия развернулась по вопросу о праве сенатского совета принимать решения о действиях в отношении Барской конфедерации. Коль скоро она была образована для защиты религиозных прав, рассуждали сенаторы, а упомянутые права относились к государственным материям законодательства, то, следовательно, находились они исключительно в ведении сейма, конституции (постановления) по которым принимались только при условии единогласного голосования послов сейма. Поэтому, по мнению сенаторов, и решение названных вопросов находилось в компетенции только сейма, а не сенатского совета. В-третьих, ключевым вопросом Сенатского совета стала трактовка договора о российской гарантии польской конституции. Сенаторы задались вопросом, требуется ли дополнительное обращение к России и от кого оно должно исходить (от короля, Сената, сейма или конфедерации) в случае нарушения гарантированного Россией конституционного статуса Речи Посполитой¹⁶.

В итоге сенатский совет принял компромиссное постановление «обратиться с увещанием к конфедератам», убедить их сложить оружие и подчиниться решениям сейма 1767 г., в противном случае угрожая прибегнуть к помощи России¹⁷. С этой целью для переговоров с Барской конфедерацией в начале апреля был направлен генерал Анджей Мокроновский. В случае отказа конфедератов признать постановления сейма 1767 г. и сложить оружие сенаторы высказались за признание находящихся в Речи Посполитой российских войск «помощными», то есть призванными для защиты республики в силу трактата о российской «гарантии». Таким образом, ни по одному из обсужденных вопросов сенатский совет не принял ясного и твердого постановления. Однако уже из его решения вытекало, что единственным способом разрешения кризиса оставалось формальное постановление сейма¹⁸.

16 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 15 (26) марта 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 41–45.

17 Propozycuja na Radę Senatu pro 24 marca roku 1768 – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 46–46 об.; Rezultat na propozycuję (приложения к депеше Н. В. Репнина от 15 (26) марта 1768 г.) – Там же. Л. 51–52 об.

18 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 47.

Несмотря на компромиссный исход сенатского совета и очередную отсрочку начала решительных действий против конфедератов, Репнин, не дожидаясь инструкций из Петербурга, приказал 26 марта русским войскам двигаться к Бару, не приближаясь, однако, к турецким границам¹⁹.

В это время из лагеря конфедератов в Баре вожди движения Юзеф Пулавский и Михал Красиньский рассылали по всей стране манифесты с призывом присоединиться к конфедерации и готовить ее акт. Среди многочисленных деклараций и воззваний конфедератов этого времени, большая часть из которых не сохранилась, имеется обращение к «достойным гражданам России», написанное, вероятно, Адамом Красиньским от имени Юзефа Пулавского. Через некоего российского ротмистра оно было передано Репнину и отослано послом в Петербург. В этом обращении предлагалось, дабы россияне отвергли «насилия Репнина» и «дружественно вместе с поляками» выступили бы на защиту «своей и нашей веры стародавней». Однако значение воззвания этим не ограничивалось. Во-первых, в нем нашла отражение единая для всех магнатских группировок позиция, укоренившаяся в сознании польской шляхты, что со стороны конфедератов сопротивление постановлениям делегации сейма 1767 г. направлено не против России, а только против незаконных и насильственных действий русского посла. Во-вторых, помимо сугубо тактических соображений, в воззвании нашло отражение понимание, что объективно Россию и Польшу связывает общее историческое прошлое и общие интересы, что полный разрыв этих связей не в интересах шляхетской республики.

С самого начала борьбы с конфедератами русское правительство и Репнин настаивали, чтобы польские войска включились в военные действия против них. Это позволило бы русскому командованию представить собственные операции против отрядов конфедерации как содействие польским правительственным силам. С этой целью, в частности, российский посол добивался, дабы на сенатском совете конфедераты были объявлены «бунтовщиками» и «злодеями отечества», что давало бы формальное право и основание властям применить против них военную силу. Однако ни «фамилия» Чарторыйских, фактически руководившая военной комиссией, ни король Станислав Август не спешили с этим, ссылаясь на миссию А. Мокроновского,

19 Н. В. Репнин – П. Н. Кречетникову (приложение к депеше Н. В. Репнина от 15 (26) марта 1768 г.) – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 926. Л. 59–59 об.

которая в действительности была призвана позволить властям в Варшаве и правившим магнатским группировкам оттянуть время, чтобы в дальнейшем воспользоваться сложившейся конъюнктурой.

Репнин же, напротив, как в переговорах с польским королем и властями в Варшаве, так и в переписке с Петербургом настаивал на решительных и безотлагательных военных действиях против конфедератов. Еще в июне 1768 г., когда русские войска вели осаду Бердичева, Репнин в донесениях в Петербург выражал убеждение, что конфедерацию необходимо подавить незамедлительно, иначе кризис неизбежно приведет к войне с Турцией, ссылаясь на то, что того же мнения придерживается и российский посол в Константинополе А. М. Обресков. При этом Репнин подчеркивал, что если решающие победы не будут достигнуты до сентября 1768 г., то есть до назначенных на это время сеймиков по избранию послов на предстоящий сейм, то положение еще более ухудшится²⁰. Обращает на себя внимание, что упомянутая депеша датирована 15 июня, то есть практически за два месяца до издания королевского универсала о созыве сеймиков. Указание в депеше на время проведения сеймиков может свидетельствовать, что русский посол обсуждал эту проблему со Станиславом Августом и что проведение предстоящего сейма было одной из существенных задач русской политики в Польше, наряду со стремлением предотвратить практически неизбежное военное столкновение с Османской Портой.

Из этого исходил Репнин, определяя задачи военных действий против конфедератов. Он планировал, во-первых, обеспечить военный контроль над столицей и главными политическими центрами Литвы (Вильно и Гродно), во-вторых – разгром конфедератов в Великой Польше, в-третьих – разделить кордоном области Малой Польши и Польской Руси, где действия конфедератов носили наиболее активный характер и где столкновения с турками были весьма вероятны. И, наконец, в-четвертых – взятие главных центров Барской конфедерации – Бердичева, Бара и Кракова. Однако для решения всех этих задач имевшихся в распоряжении Репнина войск явно было недостаточно. Успешные действия русских корпусов против главных конфедератских центров не привели к желаемым результатам. В конце июня 1768 г. Репнин писал Панину: «Дела здешние час от часу приходят в пушую серьезность и вид весьма неприятный. Войска наши, рассыпанные по земле, принужден я мучить разными маршами для предупреждения

20 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 4 (15) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 1–5.

езде возмутительств. Но иногда к тому не успевают. <...> Дела тянутся, а дерзость возмутителей и недоброжелателей возрастает. Если еще четыре или пять недель конца и искоренения сим возмутительствам наши войски не учинят, то еще столько же, по малой мере, ввести будет нужно для предупреждения сеймиков, ибо вся земля в то время запыляет, если присутствие наших сил от того не воздержит»²¹.

Расположенные в Польше русские войска испытывали в борьбе с конфедератами немалые трудности, поскольку им приходилось вести боевые действия в условиях партизанской войны на значительной территории, при нехватке боеприпасов, при проблемах с тыловым обеспечением, трудностях с применением артиллерии. Разумеется, регулярные части русской армии сохраняли подавляющее превосходство над неорганизованными отрядами конфедератов. Это позволило русским войскам, поддержанным польскими коронными войсками под командованием Ф. К. Браницкого, одержать ряд побед. По данным российской Военной коллегии, с марта по август 1768 г. имели место 24 факта боевых действий между русскими войсками и силами конфедератов, в том числе четыре крупных операции. Если первую из них – занятие в апреле Люблина – можно расценить скорее как некий демонстративный акт, то последовавшие в дальнейшем осады и взятие Бердичева, Бара и Кракова представляли собой настоящие сражения. По неполным данным российской Военной коллегии, за весь период с марта по август 1768 г. конфедераты в боях с русскими войсками потеряли убитыми и ранеными 1331 чел., в плен было взято 5062 чел.²² То есть, принимая во внимание характер боевых действий, они понесли весьма значительные потери.

Проведение сеймиков имело для русской политики в Польше принципиальное значение. От возможности установления действительного российского контроля над земскими шляхетскими корпорациями как со стороны русских военных отрядов, так и пророссийски настроенных магнатских группировок, их сторонников и клиентов на местах (о чем свидетельствовал опыт радомской конфедерации 1767 г.) в решающей степени зависело формирование пророссийской конфедерации, способной противостоять барским конфедератам и объявить незаконным «барский рокош» с позиций формальной легитимности.

21 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 14 (25) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 83–83 об.

22 См.: Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800 гг. СПб., 1908.

Однако Репнин осознавал все трудности, стоявшие на пути решения этой задачи. В июне он писал Панину: «Сколь я от конфедерации, учиненной с нашей стороны, не уклоняюсь, полагая ее последним способом, понеже несет она с собой много убытков, разного образа хлопот, сконфедерованный сейм и разные государственные резолюции, до чего я всего времени убегаю дойти, но не знаю, возможно ли будет того избежать, если продолжатся возмутительства, ибо не можно будет нам иначе в сем огне руки развязать нашим партизанам и желателям спокойства республики, как дав им репрезентацию оной и власть через ту свободно действовать против возмутителей, объявляя их злодеями отечества, которое без законодательной власти никто учинить не может, а ту власть никому взять нельзя, кроме конфедерации. Сейм оную (власть. – Б. Н.) имеет, но, если он не под узлом конфедерации держаться будет»²³. Репнин, таким образом, подчеркивал, что проведение сейма «под вензелем конфедерации» представляет для русской политики существенную опасность, так как, помимо делегитимизации и уничтожения Барской конфедерации, такой сейм мог бы принять постановления, решительно противоречившие бы целям русской политики. Возможности же надежно противодействовать такого рода актам у посла практически не оставалось. Предотвратить развитие событий подобного рода можно было, согласовав с новой «русской партией» не только условие роспуска Барской конфедерации, но и компромиссную программу политических реформ, приемлемую и желательную для обеих сторон.

В заключение депеши от 14 (25) июня Репнин констатировал: «Сия есть критическая позиция, в коей я нахожусь. Прошу же Ваше сиятельство, – обращался он к Панину, – мне дать наставление, приступить ли к столь хлопотному и тяжкому делу, если иного способа не буду видеть к окончанию и искоренению здешних возмутительств, приметя при том и то, что может от сего на несколько времени здесь междоусобная война произойти, но лучше, кажется, нам в оную войти с помощью одной здешней нации, нежели одним делать, оставляя наших партизанов в недействии. Они ж инако в оную войти не могут, как через конфедерацию, которая надобно, чтоб распространилась во всей Польше. Доносил уже я выше Вашему сиятельству, что я от сего удерживаюсь, но только в самой крайности как последний способ представляю и резолюции на оное також в той крайности прошу»²⁴.

23 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 14 (25) июня 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 929. Л. 84–85 об.

24 Там же.

Реализация политических планов России в Речи Посполитой во многом зависела от положения в Литве, поскольку шляхта и магнаты Великого княжества традиционно считались более склонными к сотрудничеству с Петербургом, нежели их собратья из других провинций и земель шляхетской республики. По словам В. Конопчиньского, летом 1768 г. «политическая физиономия Литвы проявилась более выражено». Прежний радомский лагерь, расколовшийся еще в ходе сейма 1767 г., был практически раздроблен²⁵. Колебания литовских магнатов ставили под сомнение осуществимость планов задуманной Репниным конфедерации «друзей России».

Не лучше обстояло дело и в других провинциях Речи Посполитой. В середине июля 1768 г. Репнин писал Панину, что из 21 сеймика, на которых предстояло выбрать депутатов Коронного трибунала, на девяти «по недоброжелательству и своеволию съездов на оные не было». О семи сеймиках не было получено в Варшаве еще известий (четыре сеймика на востоке и юге Малой Польши и в Польской Руси, где наиболее активно действовали конфедераты, и три сеймика в Королевской Пруссии). Депутатов избрали только в Шроде (Познанское воеводство), в Радзейове (Иновроцлавское воеводство), во Львове, где собиралась шляхта Русского воеводства, и в Болимове – от Равы Русской. Два последних упомянутых успешных сеймика в Польской Руси, вероятно, были возможны в силу влияния там магната Августа Чарторыйского, воеводы русского. Наконец, по понятным причинам, ожидаемым успехом завершился сеймик Мазовецкого воеводства в Варшаве, проходивший под присмотром Репнина и расположенных в столице русских войск²⁶. В заключение посол констатировал: «Не знаю еще, каким образом сему можно будет помочь, ибо по сих пор еще пять только депутатов выбрано, а трибунальского ни одного заседания держать не можно менее семи человек. Старый же трибунал далее положенного ему срока продолжаться не может»²⁷. Приведенное высказывание Репнина свидетельствует, что посол обсуждал сложившееся положение со Станиславом Августом, ибо только в беседах с королем он, как правило, черпал сведения о нормах и особенностях польского права. Из донесения Репнина также следовало, что, несмотря на ухудшение ситуации в Речи Посполитой, русская политика по-прежнему рассматривала сохранение польской

25 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 87–88.

26 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскрипtum к депеше 10 (21) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 931. Л. 113.

27 Там же.

государственности и противодействие усилению анархии как существенные для себя политические цели. Провал трибунальских сеймиков и практическая недееспособность судебной власти, функционирование которой имело для шляхты особое значение, свидетельствовали о том, что с самого начала Барской конфедерации, даже без изданного ей формального постановления о закрытии судов, Польско-Литовское государство оказалось во власти глубокого кризиса.

Исход трибунальских сеймиков оказался явно неблагоприятным как для русской политики в Речи Посполитой, так и для магнатских верхов и польского королевского двора. Несмотря на это, ни в Петербурге, ни в Варшаве не отказались от планов организовать реконфедерацию и провести очередной сейм осенью 1768 г. К депеше от 31 июля²⁸ Репнин приложил «расписание находящихся здесь войск», прикомандированных к предстоящим посольским сеймикам, при этом русский посол выразил надежду, «что возмутительства до тех пор кончены будут»²⁹. Под латинской литерой «Н» к депеше от 31 июля был приложен «Реестр сеймикам, местам, где оные держатся и сколько куда войск определяется»³⁰. В итоге, согласно реестру, для контроля за проведением посольских сеймиков было выделено: «3 полка гренадер, 18 батальонов мушкетер, 18 [отдельных] рот гренадерских, 5 полков карабинер, 4 полка гусар, 500 чугуевских и 2000 донских казаков»³¹, то есть почти все силы русских войск, имевшихся в распоряжении Репнина. По этому поводу посол писал в депеше что, «если успокоится все прежде сеймиков, то сделанное по оным расположению войск довольно будет, а если еще совсем возмутители не искоренены будут <...>, то необходимо будет еще более войск ввести нужно, а полезнее всего легкой кавалерии, да несколько самых малых пушек»³².

На следующий день, в дополнение к уже составленной депеше, Репнин написал еще одно, чрезвычайное донесение, оформленное как постскрипtum от 1 августа 1768 г. Это донесение вовсе не упомянуто С. М. Соловьевым. Конопчиньский процитировал лишь его маленький фрагмент, не уделив внимания содержанию послания³³.

28 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 1–4 об.

29 Там же. Л. 3.

30 Там же. Л. 45–46 об.

31 Там же. Л. 46 об.

32 Там же. Л. 4.

33 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 144.

Постскрипту³⁴ начинался с сообщений о дальнейшем обострении ситуации в стране несмотря на ожидаемое через 1–2 недели взятие корпусом Прозоровского осажденного Кракова. Сообщалось также, что примкнувшая к Барской конфедерации безземельная шляхта занимается «разбоем и грабежом»³⁵. Посол писал о полном упадке государственного управления шляхетской республики, особенно о катастрофическом состоянии государственных доходов. Очевидно, что эти сведения были почерпнуты Репниным из состоявшегося накануне разговора со Станиславом Августом. В итоге посол излагал свой «собственный план», который, весьма вероятно, как это бывало не раз ранее, был также согласован с польским королем или даже подсказан последним. «Чарторьские, – писал Репнин Панину, – никакого участия в настоящих возмутительствах не имеют, напротив, весьма претерпевают и разоряются от оных. Внутренне король им и они ему злодеи. Соединение их николи таково быть не может, чтобы я их не разъединил, сколь скоро то нужно будет. Силы прежней они совсем не получают, ибо королем так властвовать не будут, как прежде, да и важности нам в том уже такой нет, ибо дела наши сделаны»³⁶. Таким образом, план предполагал воссоздание той политической системы, которая уже была установлена под эгидой России в Польше в 1765–1766 гг., с тем, правда, принципиальным отличием, что российская гарантия польской конституции уже была утверждена сеймом и трактатом 1768 г., включая и уравнивание в сословных правах с католиками диссидентской шляхты. Однако изложенный план никоим образом не указывал, на какие политические выгоды для себя могли бы рассчитывать король и Чарторьские в случае его реализации, причем если для короля мотивом заинтересованности могло быть просто сохранение трона, то для его дядей предположительные выгоды были не столь очевидны. Сам же план не мог не предполагать некоего компромисса между польским двором и «фамилией», с одной стороны, и Петербургом – с другой. Целью короля и Чарторьских могло бы быть, во-первых, восстановление контроля магнатских великих родов, и прежде всего собственной «партии» над «сбросившими ярмо» (выражение Августа Чарторьского) непокорными шляхетскими корпорациями, и во-вторых,

34 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскрипту к депеше от 21 июля (1 августа) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 50–53.

35 Там же. Л. 50.

36 Там же. Л. 50 об.–51.

восстановление собственного доминирования в среде магнатских группировок. Последнее было, в свою очередь, достаточно тесно связано с планами «исправления» Речи Посполитой, к поддержке которых предположительно могла бы вновь присоединиться Россия. Именно в рамках последнего вопроса и проявлялись в наибольшей степени противоречия между Станиславом Августом и его дядями – старыми князьями Чарторьскими. В ответ на постскрипту Репнина Панин писал послу 4 (15) августа 1768 г., что Екатерина II одобрила все его действия и соображения. К предложенному же плану, который Репнин «сам себе определил» (многозначительно подчеркивал Панин), шеф русской внешней политики не находил «ничего к тому прибавить»³⁷.

Итак, ответственность за содержание, исполнение и последствия плана Репнина, за исключением неприкосновенности диссидентского дела и гарантии, и Екатерина, и Панин целиком возложили на посла. Однако есть основания предполагать, что в Петербурге были достаточно хорошо информированы о контурах задуманного компромисса Репнина, со Станиславом Августом, с одной стороны, и вождами «фамилии» – с другой.

Об этом позволяет судить обширный мемориал Репнина, направленный Панину более чем за полгода до описываемых событий, а именно в ноябре 1767 г.³⁸ Мемориал тогда же, в конце 1767 г., был передан императрице, которая наложила на него известную резолюцию. И до февраля 1769 г. он оставался в кабинете Екатерины, фигурально выражаясь, на рабочем столе императрицы, вместе с инструкцией русским войскам, прикомандированным к августовским (1768 г.) посольским сеймикам. Только в 1769 г., в изменившейся уже политической ситуации, и мемориал, и инструкция были переданы в архив Кабинета, что и объясняет и их расположение среди писем и бумаг Екатерины, и датировку и место в последующей публикации в сборниках Русского исторического общества. Упомянутый мемориал Репнина неоднократно использовался исследователями в связи с историей сейма 1767 г. Его содержание в достаточно вольном изложении приводил С. М. Соловьев³⁹, как одно из свидетельств готовности посла

37 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 4 (15) августа 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 124–127.

38 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 11 (23) декабря 1767 г. // СИРИО. Т. 87. С. 279–286.

39 Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 203–204.

пойти навстречу уговорам Станислава Августа и согласиться на ограничение правила *liberum veto*. В связи с историей учреждения Постоянного совета ссылался на него и В. Конопчинский⁴⁰. О нем писал Н. Д. Чечулин в монографии о внешней политике России в начале царствования Екатерины II⁴¹. Однако все названные авторы обращались к «письму Репнина» достаточно фрагментарно и только по отдельным вопросам. Детально в контексте политической ситуации конца 1767 г., когда Репнин вел переговоры с делегацией сейма, рассматривал эту депешу и автор настоящей статьи в своей монографии⁴², поместив полный текст депеши в приложении⁴³. В частности, нами был приведен ряд аргументов, указывавших на то, что в депеше нашли текстуальное отражение положения, выдвинутые польским королем и направленные в Петербург как собственное мнение русского посла.

На мемориале Репнина императрица написала адресованную Панину резолюцию: «Гр. Никита Иванович, вы можете приказать ответы заготовить в силе того, на чем мы согласились, ибо лишь бы осталось нам иметь способ от либерум вотум, то для чего бы не позволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может и в пользу оборотиться»⁴⁴. Иными словами, Екатерина II дала согласие на проведение неких реформ, которые не затрагивали бы принципиальных для русской политики вопросов государственного устройства шляхетской республики, статуса сословий, численности вооруженных сил и размеров государственных доходов, а также прав и привилегий диссидентов.

Очевидно, что сформулированные в конце 1767 г. идеи сохраняли свою актуальность и в сентябре 1768 г., накануне сейма, особенно в условиях кризиса шляхетской Речи Посполитой, вызванного восстанием Барской конфедерации и недееспособностью политической системы магнатской олигархии. Репнин исходил из того, что, во-первых, «русская партия» должна состоять из сторонников укрепления польско-литовского государства и пользоваться доверием и поддержкой

40 *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 115–117.

41 *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896. С. 289.

42 *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004. С. 633–636.

43 Там же. С. 685–691.

44 СИРИО. Т. 87. С. 286.

шляхетского сословия, что послужило бы прочным фундаментом русского влияния в Польше и возможного польско-русского союза в войне с Турцией⁴⁵. Во-вторых, посол утверждал, что установленной зависимости польского короля от России недостаточно, что надо Станиславу Августу «доказать через собственное его благополучие, что он не может лучше сделать, как быть нам совершенно преданным»⁴⁶. Иными словами, Репнин исходил из согласия со Станиславом Августом по вопросу о реформаторской программе польского короля, не нарушая, однако, фундаментальных принципов русской политики в Польше. В-третьих, сама программа реформ, в принципе, хотя и частично, одобренная русским послом, включала модернизацию государственного устройства при сохранении либерум вето, введение порядка принятия сеймовых постановлений по внутренним (экономическим) вопросам «множеством голосов», за исключением случаев, предусмотренных кардинальными и государственными законами. В-четвертых, программа исходила из недопущения срыва сеймов и отказа от законодательного признания права конфедерации⁴⁷. В-пятых, Репнин практически поддержал идею создания органа исполнительной власти (Непременного совета)⁴⁸. Эта мера, с одной стороны, ограничивала бы полномочия короля и сената, а с другой – способствовала бы централизации системы власти и управления шляхетской республики обоих народов.

Итак, к концу августа 1768 г. в Варшаве Репниным были получены приведенные выше инструкции Панина от 4 (15) августа 1768 г.⁴⁹, в которых был одобрен план Станислава Августа и Репнина провести сейм «под собственным управлением» короля и примирить восставшую шляхту с властями Речи Посполитой на основе программы реформ в духе постановлений сейма 1767 г. при незыблемости российской гарантии и равноправия диссидентов.

В то время, когда панинские депеши находились на пути в Варшаву, в польской столице 12 августа королевским универсалом было объявлено о созыве сейма, который был назначен в Варшаве на 7 ноября 1768 г. Сеймики должны были пройти 26 сентября, а генеральный сеймик в Королевской Пруссии – 10 октября. О значении, придаваемом

45 Там же. С. 280.

46 Там же. С. 281.

47 Там же.

48 Там же. С. 281–282.

49 Там же. С. 124–127.

в Петербурге предстоящим выборам послов на сейм, свидетельствует «Генеральная инструкция всем российским войскам командирам, находящихся при сеймиках»⁵⁰. Ее направление в Варшаву означало, что в Петербурге принципиальные вопросы русской позиции по отношению к сейму к этому времени были разрешены. В инструкции, в частности, поручалось прикомандированным к сеймикам командирам русских воинских подразделений: «Надлежит всем (собравшимся шляхтичам) накануне держания сеймика, то есть 15 и 16 сентября (по старому стилю. – Б. Н.) <...> объявить словесно, учтиво и ласково, находящимся тут главным из шляхетства, что вы не намерены им никакого помешательства делать в держании сеймика, оставляя им всю волю в их советах и учреждениях, а только объявляете, чтобы не вздумали сие законное собрание обратить в поступок возмутительной конфедерации; что в таковом случае должны будете оному воспротивиться и вооруженною рукою действовать против таких возмутителей». И далее: «Для верности по избрании послов, по сочинении лаудума и инструкции надлежит вам из канцелярии выписать копии с того лаудума и инструкции уже точно и увидите, не сделана ли при сем собрании и в тайне какая возмутительная конфедерация и с именным реестром о выбранных послах и тотчас о том подробно по команде рапортовать...». Уже из этой инструкции видно, что процедура проведения посольских сеймиков существенно отличалась от той, которая была накануне сейма 1767 г. Тогда заранее были определены маршалы сеймиков, а также представители Радомской конфедерации, которые руководили их проведением, и заранее же были составлены инструкции послам. Теперь, спустя год, осенью 1768 г., в инструкции начальникам воинских команд только глухо говорилось о неких «главных» в проведении сеймика. Иными словами, ни о каком контроле над сеймиками не было и речи, как не было и реальной возможности воспрепятствовать образованию враждебных России конфедераций. Все это свидетельствовало о том, что планы Петербурга не были согласованы ни с предводителями магнатских группировок, ни с их сторонниками и клиентами в воеводствах и землях.

Стоявшая перед Репниным задача по проведению сеймиков осложнялась еще и тем, что посол одновременно должен был управлять войсками, действовавшими против конфедератов, предотвращать

⁵⁰ Генеральная инструкция всем российским войскам командирам, находящихся при сеймиках (не позднее середины августа 1768 г.) // СИРИО. Т. 87. С. 287–288.

новые вспышки конфедератского движения, принимать меры по подавлению крестьянского восстания на Украине, контролировать ситуацию вблизи границы с Османской Портой. Репнин доносил 17 августа Панину, что, несмотря на взятие русскими войсками Бердичева и Кракова, достигнутые победы не изменяют ситуацию в ходе военных действий и положения в стране в пользу России, «а, напротив, везде ферментация продолжается», готовятся новые «возмутительства», в частности – в Белоруссии⁵¹.

Для проведения сеймиков необходимо было выяснить позицию магнатских группировок и возглавлявших их великих родов. Остатки прежнего радомского лагеря, очевидно, не могли стать уже опорой обновленной русской партии. Его недавние предводители не поддерживали контактов с Репниным. Задуманное Репниным соглашение с «фамилией» оставалось сугубо гипотетическим. Вспышки конфедератских выступлений ожидалось повсеместно, даже в относительно спокойной до недавнего времени Литве. В целом политическая ситуация в стране представлялась русскому послу безрадостной, «но лекарства я на нее, – писал Репнин, – не знаю, кроме как пушки и ружья», и констатировал: «Слава Богу, что не вдруг все загорается. Не знали бы мы здесь тогда, куда оборотиться»⁵².

Тревоги и опасения Репнина стали сбываться. На недавно еще относительно спокойных землях Великого княжества Литовского, в Вилькомире, 23 августа образовались две конфедерации (Вилькомир и Ковно) под лозунгами защиты церкви и свободы во главе со Стефаном Швейковским и Домеником Медекшей⁵³. В известной мере их выступление было спровоцировано проведенными по приказу командующего русскими войсками в Литве Г. Нуммерса превентивными арестами заговорщиков накануне сеймиков⁵⁴. При этом нелишне отметить, что если в 1767 г. подобная тактика Репнина имела успех, то уже в условиях конфедератской войны такое устрашение возымело обратное действие. Возможно, такие аресты могли запугать представителей магнатских верхов, однако в отношении рядовой, зачастую «незамощной» шляхты такого рода репрессии, очевидно, не дали ожидаемого результата.

⁵¹ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 6 (17) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 4–5 об.

⁵² Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) июля 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 932. Л. 3 об.–4.

⁵³ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 94.

⁵⁴ *Ibid.* S. 89.

Таким образом, политическая и военная ситуация в Речи Посполитой, и особенно в Литве, не оставляла ни для Репнина, ни для его шефов в Петербурге иного выхода, как опереться на «фамилию» и привести в действие согласованный с королем план. С этой целью Репнин в августе 1768 г. трижды встречался с Августом Чарторыйским⁵⁵. Воевода русский тогда уклонился от обсуждения конкретных мер и плана совместных действий, настаивая на денонсации российской гарантии государственного устройства и политической системы шляхетской республики и на передаче реальной власти в руки «фамилии». О состоявшейся четвертой встрече воеводы и посла Репнин доносил Панину 31 августа⁵⁶. Упоминание этой депеши присутствует и у С. М. Соловьева, и у В. Конопчинского. Причем оба историка указали только на центральный тезис посла о безоговорочной неприемлемости со стороны России уступок по вопросу о гарантии и о статусе диссидентов⁵⁷. Однако в депеше содержались и некоторые другие немаловажные положения. Репнин писал, что «хотя Чарторыйские в мыслях и стакнулись с королем, видя сии способы кратчайшими ко усмирению всего, которое и действительно правда, но не имели они с ним в том никакого согласия, а впрочем, – добавлял русский посол, – и сам я знаю, чтоб все усмирилось – отступ от сих двух пунктов. Но дороже б сия тишина была куплена, нежели она стоит»⁵⁸.

Тем не менее, несмотря на ухудшение военно-политической ситуации, вызванное восстаниями в Литве, и безрезультатность переговоров с Чарторыйскими, Репнин продолжал подготовку к предстоящим посольским сеймикам. Об этом посол докладывал Панину в приложении к депеше от 10 сентября. В нем он извещал шефа Коллегии иностранных дел о своей переписке с Обресковым по поводу положения вблизи турецких границ и о выводе оттуда русских войск⁵⁹. В частности, в связи с предстоящим сеймом Репнин разъяснял Панину, что с точки зрения польского законодательства легитимное участие в сейме

может иметь только генеральная конфедерация, «когда все три стана, составляющие республику, то есть Король, Сенат и рыцарский стан, приступят к конфедерации. А один без другого или другой без третьего не могут никакого государственного законного предприятия сделать, ни решения учинить. Где же Король, где Сенат и большая часть рыцарского стану – все сие к барским мятежникам не приступило, следовательно, и не могут они сконфедерованными станами называться»⁶⁰. Так косвенным образом Репнин изложил свой план проведения сейма, когда бы к провозглашенной на сейме конфедерации сторонников Станислава Августа официально присоединились бы и король, и сенат.

Однако положение дел складывалось таким образом, что перспектива реализации этого плана на предстоящем сейме не только вызывала сомнения, но казалась совершенно нереальной. Переговоры Репнина с воеводой русским показали, что Чарторыйские не были уверены в достаточности собственных сил и не видели реальной возможности умиротворить страну. Поэтому они предпочитали торговаться с русским послом в расчете на укрепление позиций своей «партии» как главной политической силы в шляхетской республике, избегая обязательств продемонстрировать свою силу и влияние на деле. Проблематичной выглядела и вторая задача русской политики на предстоящем сейме: сохранить от разрушения государственные институты Речи Посполитой, подтвердив их легитимность в условиях российской гарантии, включая статус диссидентской шляхты и королевский титул Станислава Августа.

В начале сентября В. Кар доставил в Варшаву адресованные Репнину очередные инструкции Панина⁶¹. По мнению руководителя российской внешней политики, Станислав Август и Чарторыйские «согласились действовать по одинаковым правилам» и намерены добиваться уступок в диссидентском вопросе, что также следовало и из перлюстрированной корреспонденции Я. Псарского и польского короля. Однако, утверждал Панин, и в этом случае послу следует продолжать контакты с Чарторыйскими, дабы «употребить их полезными орудиями». Далее в тексте панинской депеши следовала сформулированная высоким стилем сентенция о незыблемости гарантии и установленного статуса диссидентов⁶². Эти напыщенные утверждения в сочетании

⁵⁵ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 148–150.

⁵⁶ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 49–51.

⁵⁷ *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга XIV. С. 227; *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 150.

⁵⁸ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 20 (31) августа 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 933. Л. 49–50 об.

⁵⁹ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 9–11.

⁶⁰ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 10 об.–11.

⁶¹ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 12 (23) августа 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 151–153.

⁶² Там же.

с указанием «возобновить сии рассуждения князьям Чарторижским» свидетельствуют о том, что письмо предназначалось непосредственно для показа вождям «фамилии». Им же была адресована и провозглашенная политическая альтернатива, что в случае согласия Чарторыйских на сотрудничество с Россией «не удалимся мы, конечно, подать им действительные опыты снисхождения нашего». В противном же случае, если конфедераты и их сторонники будут способствовать разжиганию войны с Турцией, то и Россия, заявлял Панин, вынуждена будет рассматривать Польшу как своего врага, что повлечет для страны пагубные последствия, кои императрица из человеколюбия желала бы предотвратить. Поэтому она и обращается к «князьям Чарторижским, яко первым и знатнейшим в отечестве своем людям, кои теперь спасение его и гибель в руках своих имеют, обратить и устремить при высочайшим Ея Имп. величества подкреплении и покровительстве все свои силы к благовременному освобождению самих себя и отечества своего от неотвратимой инако бездны опасностей. Я думаю, – писал в заключение Панин, – что сии уважения как у князей Чарторижских и короля, так и у других магнатов с пользою потреблены быть могут; но оставляя, однако ж, употребления оных собственному вашему на месте усмотрению»⁶³.

В ответ на это письмо Панина Репнин писал, что «хотя виды короля и князей Чарторыйских стакнулись по поводу гарантии и диссидентского дела, однако за то я могу совершенно ручаться, что они между собой никакого согласия не имели и не имеют, о чем уже я вашему сиятельству доносил от 31 августа. Впрочем, по предыдущим моим [письмам] ваше сиятельство уже видели, что сношение мое с воеводой русским перервалось без всякой, однако ж, кислоты, а впредь продолжаю быть в учтивом поведении. Если дойдет случай приведу (так в рукописи. – *Б. Н.*) в рассуждение те примечания, которые ваше сиятельство мне предписывает по поводу сих стариков, то, конечно, того сделать не упущу. Гарантию ж, диссидентское дело и генерально весь трактат в целости содержать за главный предмет себе поставлять буду»⁶⁴. По поводу полученных в тот же день других инструкций Панина Репнин доносил по пунктам: 1) «О собрании магнатов для побуждения их стараться о восстановлении покоя». – «Трудно весьма при настоящей разладице кого

63 Там же.

64 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 30 августа (10 сентября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 934. Л. 46–47.

ни есть сюда притащить». 2) «Об отмене сейма в случае надобности». – «Никто, даже король, не может отменить сейм. Хотя даже если вреда от сейма и не будет, то и пользы никакой». 3) «Об учинении строгости» для воеводы киевского Ф. С. Потоцкого. – «Без нужды к строгости не приступлю»⁶⁵.

Ответы Репнина на депеши Панина были составлены послом 10 сентября и получены в Петербурге накануне проведения сеймиков по избранию послов (депутатов) на предстоящий сейм. Судя по донесениям Репнина, главные события разворачивались на сеймиках в Литве, к которой было приковано основное внимание русского посла, направлявшего в качестве донесений в Петербург непосредственно копии своей переписки с Г. Нуммерсом⁶⁶. Рапорты последнего были датированы периодом с 27 по 30 сентября 1768 г., то есть относились непосредственно ко времени проведения литовских сеймиков. Эти донесения Репнина передавались прямо для доклада Екатерине II. Императрице непосредственно направлялись сообщения о положении в Вильно, о позиции литовских магнатов и шляхты, особенно о действиях К. Радзивилла, литовского гетмана М. Огиньского и подчиненных ему литовских войск. Екатерина ставилась в известность и о том, что сторонники Чарторыйских в Литве действовали против планов умиротворения. Особое внимание к положению в Литве, помимо всего прочего, объяснялось еще и тем, что в двусоставной Речи Посполитой государственно-правовой статус Великого княжества мог как сыграть существенную роль в пользу реализации планов Петербурга, так и оказаться на руку его политическим противникам, как это в итоге и вышло в дни созыва сейма 1768 г.

В целом об итогах посольских сеймиков Репнин сообщил в Петербург депешей от 24 сентября (6 октября) 1768 г., приложив к ней отдельный реестр. В нем были поименованы 50 сеймиков, за исключением Королевской Пруссии, где те должны были состояться 16 октября. «Прочие [сеймики], – говорилось в заключение реестра, – большей частью не держались, а от некоторых еще известия нет». Данные реестра Репнина обобщены в таблице.

65 Там же. Л. 42–43.

66 Н. В. Репнин – Г. Нуммерсу. 20 сентября (1 октября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 935. Л. 20–21 об. (В деле содержится копия, оригинал передан для доклада Екатерине II; копия включает в себя письмо Нуммерса Репнину, написанное в период от 27 до 30 сентября 1768 г.).

Таблица. Итоги посольских сеймиков осени 1768 г.

	Всего сеймиков	В том числе			Избрано послов сейма
		состоялись	сорваны	результат неизвестен	
Малая Польша	17	5	9	3	22
Великая Польша	29	12	16	1	26
Литва	3	3	?	?	6
Инфлянты	1	1	–	–	4
Итого	50	21	25	4	58

Более половины, 21 из перечисленных 50-ти, сеймиков не состоялись, причем 25 из них были просто сорваны собравшейся шляхтой. На сеймиках (согласно реестру) были избраны 50 послов, однако Репнин ничего не сообщает о полученных ими инструкциях. Оценить достигнутые результаты можно более полно, если сравнить их с итогами выборов 1767 г.⁶⁷ Тогда на сейм при Радомской конфедерации были избраны 236 послов (из них 46 – от Королевской Пруссии), то есть в 4 раза больше, чем при нынешнем голосовании, или же на сеймиках 1768 г. число послов, без учета послов от Королевской Пруссии, составило менее одной трети от числа послов на сейме 1767 г.

В Малой Польше избрано было 22 посла – против 77 в 1767 г., то есть также менее одной трети, как и по данным Репнина в целом. Обращает на себя внимание, что в таких политически значимых землях, как Краковское воеводство и Галицкая земля, было избрано полное число послов (соответственно 8 и 6). Полное число послов было также избрано от княжества Заторского (2 посла) и от Черниговского воеводства (4 посла). В то же время от Подляшского воеводства с его многочисленной шляхетской корпорацией были избраны из шести только 2 посла, представлявшие Бельскую землю. В остальных 9 воеводствах, среди них такие важные, как Люблинское, Русское и Сандомирское, выборы послов были сорваны. По понятным причинам не состоялись выборы на юге, вблизи турецких границ, где наиболее активно действовали конфедераты, – на Волыни, в Подолии и в Брацлавском воеводстве. Объяснить итоги выборов в Малой Польше только присутствием

⁶⁷ Сопоставление с итогами посольских сеймиков 1767 г. выполнено на основе данных «Приложения А» к депеше Н. В. Репнина – Н. И. Панину. 21 сентября (2 октября) 1767 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 54–61. См.: Носов Б. В. Установление российского господства... Приложение № 1. С. 663–672.

русских войск не представляется возможным. Русские войска брали штурмом Краков, занимали Люблин и Сандомир, однако итоги выборов в этих воеводствах диаметрально различались между собой.

В Великой Польше выборы послов были, с русской точки зрения, существенно менее успешными. Там было избрано 26 послов (на 4 больше, чем в Малой Польше), что также составляло примерно одну треть их возможного общего числа. Однако в важнейших великопольских воеводствах, Познанском и Калишском, которые делегировали на сейм 12 послов, выборы в сентябре 1768 г. состоялись только в поветах в Познани (2 посла) и в Калише (2 посла). Из 29 сеймиков, указанных в реестре Репнина, сорваны были 16. При этом самую серьезную неудачу сторонники проведения сейма (если таковые действительно были) потерпели в столичном Мазовецком воеводстве, в котором по традиции всегда были сильны позиции королевского двора. На сейм 1767 г. воеводство направило 20 послов, избранных на 10 сеймиках. Согласно реестру Репнина, из 10 поветов Мазовецкого воеводства послы были выбраны только в 5 поветах, в других 5 поветах сеймики были сорваны. Это произошло несмотря на близость столицы, несмотря на присутствие русских войск, несмотря на то, что в поветовых корпорациях преобладала «заможная» шляхта, несмотря на то, что во время избирательной кампании 1767 г. на этих сеймиках заправляли представители двора и «фамилии». Исход выборов 1768 г. свидетельствовал, что задача созыва сейма не находила реальной поддержки ни со стороны шляхты, ни со стороны магнатских верхов, даже среди тех, кто был близок ко двору, в первую очередь – Чарторыйских. Результаты неудачной для Станислава Августа и Репнина избирательной кампании в Великой Польше только подчеркивали итоги сеймиков Равского воеводства, где все три сеймика были сорваны.

Однако самое тяжелое поражение инициаторы проведения сейма потерпели в Литве, где из десяти воеводств Великого княжества, в которых действовало 26 поветовых сеймиков, избранием 6 послов завершились только сеймики в Ковенском, Брацлавском и Гродненском поветах. Косвенно это может свидетельствовать о том, что именно в Великом княжестве осенью 1768 г. противостояние России с ее противниками в Польше приобрело наиболее острые формы, что оно не только ограничивалось военными действиями против конфедератов, но и приобрело более широкое политическое звучание.

Таким образом, результаты посольских сеймиков не только свидетельствовали о безнадежности планов Репнина и Станислава Августа объявить на предстоящем сейме вне закона Барскую конфедерацию

и привлечь на сторону королевского двора влиятельные силы магнатов и шляхты, но они прямо поставили вопрос о возможности проведения сейма как такового. Именно эта мысль проходила красной нитью через все донесения русского посла в Петербург в октябре и в начале ноября 1768 г. При этом Репнин неизменно указывал на нарастание с приближением дня открытия сейма политической напряженности, невзирая на военные победы русских войск над отрядами конфедератов. Посол подчеркивал, что обстановка обостряется не только на турецкой границе и в ряде воеводств, но и в самой польской столице.

Вопрос о предстоящем сейме Репнин затронул в депеше от 14 октября. Он извещал Панина об исходе сеймиков в Польской Пруссии, на которые «никто из дворянства не приезжали: таким образом, сеймиков не было», и об окончательных итогах кампании по выборам депутатов посольской избы сейма. «Одним словом, – констатировал Репнин, – всех послов земских надлежит быть на сейме по положенному числу 232, а их только выбрано 70, и тако, 162 недостает. Из чего заключаю, что и те, которые выбраны, или совсем сюда на сейм не будут, или ни в какое дело вступаться не захотят, а может быть, совсем и сейма не начнут под видом малого своего числа. Хорошо, истинно, было б для того сейм иметь, чтоб на оном объявить конфедератов возмутителями и злодеями, но не смею я надеяться, чтоб до сего довести могли. Уныния и страх чрезвычайные во всех заразились по причине турков, а напротив, возмутительства продолжают и вновь делаются, ободряясь надеждами на Порту⁶⁸.

6 октября в Стамбуле был арестован русский посол А. М. Обресков, что означало объявление войны России⁶⁹. Начавшаяся война с турками побудила Репнина потребовать от Чарторыйских определить свою позицию по отношению к внутреннему кризису в Речи Посполитой и по отношению к России. «Решающая встреча» посла с воеводой русским 24 октября подробно описана Конопчинским⁷⁰. Август Чарторыйский заявил Репнину, что Речь Посполитая останется нейтральной в настоящей войне, что турки, по его мнению, не намерены захватывать польские земли. Это утверждение воеводы русского могло основываться на официально провозглашенной позиции

68 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Постскриптум к письму от 3 (14) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 937. Л. 40 об.–41.

69 Манифест Екатерины II об объявлении войны был обнародован 18 (29) ноября 1768 г.

70 См.: *Konopczyński W. Konfederacja barska*. Т. 1. S. 151.

Стамбула, сформулированной в адресованном Речи Посполитой меморандуме великого визиря от 28 октября 1768 г. (и в ноябре получившем хождение при европейских дворах) с требованием изгнать из республики русские войска, уничтожить в ней влияние России и свергнуть с престола Станислава Августа⁷¹. В нем декларативно провозглашалось, что иных требований к шляхеткой республике Порты не имеет. Вопрос, в какой мере подобные заявления заслуживали доверия, разумеется, не имеет ответа.

В центре беседы Августа Чарторыйского и Репнина было проведение предстоящего сейма. Князь-воевода потребовал в связи с этим отмены всех постановлений сейма 1767 г., прежде всего российской гарантии государственного строя Речи Посполитой и установленного сеймом статуса диссидентов, а также всех учреждений, инициированных Радомской конфедерацией. Особенно он настаивал на отмене *liberum veto* в вопросах введения новых податей и в других «государственных материях», что составляло существо российской гарантии. В этом случае, по словам Августа Чарторыйского, чрезвычайный сейм примирения можно было бы провести наступающей зимой⁷². Эти требования были существенно увеличены даже по сравнению с августовскими притязаниями «фамилии» и, очевидно, неприемлемы ни для Репнина, ни для его шефов в Петербурге. Расчет Чарторыйских состоял в надежде либо на капитуляцию России из страха перед начавшейся войной, либо на военное поражение империи Екатерины II, когда бы условия мира были ей продиктованы Турцией или же покровителями последней из числа великих держав. Либо Чарторыйские и их сторонники были просто не в состоянии реализовать в союзе с Россией планы умиротворения и выдвигали явно неприемлемые условия, чтобы не подвергать опасности свое политическое влияние в случае неудачи, особенно с учетом возможных превратностей грядущей войны.

В аналогичном положении оказался и король Станислав Август. Непредсказуемость развития военно-политической ситуации парализовала его волю в той же мере, как и других представителей верхушки шляхетской республики, что подталкивало их к объединению усилий для сохранения собственных позиций в виду неопределенности общего политического будущего. Политический торг Чарторыйских с Репниным открывал слабую возможность неких дальнейших шагов в реализации реформаторской программы в шляхетской республике,

71 Ibid. S. 133.

72 Ibid. S. 151.

что создавало почву для «примирения» короля и «фамилии». По словам В. Конопчиньского, обе стороны были в этом заинтересованы, поскольку король без Чарторыйских не обладал достаточным влиянием в среде шляхты и необходимой системой личных и поземельных связей для реализации этого влияния. Чарторыйские, напротив, без Станислава Августа были существенно ограничены в плане легализации своих политических действий. Ссылаясь на мемуары Станислава Любомирского, Конопчиньский полагал, что инициатива восстановления согласия короля со своими дядями исходила от последних, что Станислав Август нуждался в советах и поддержке воеводы русского и канцлера литовского. Проявлением такого согласия стало возобновление в конце октября 1768 г. заседаний королевской рады с министрами, в которой также участвовали все четыре коронных и литовских канцлера, а также Август Чарторыйский, Анджей Замойский и Станислав Любомирский⁷³.

До конца октября Репнин ожидал «повелений» из Петербурга в связи с обострением ситуации в стране и невозможностью собрать сейм. Посол предостерегал своих шефов в связи с намерением Порты начать войну⁷⁴, что было уже очевидно в политических кругах и среди шляхты Речи Посполитой. Когда же война была объявлена, Репнин предложил занять Каменец-Подольский русскими войсками⁷⁵. Однако инструкции Панина не поспевали за развитием событий. Вероятно, еще до получения известий о первых итогах посольских сеймиков и о положении в Литве, успокоенный сентябрьскими рапортами Нуммерса о ситуации в Вильно, Н. И. Панин 2 (13) октября писал Репнину: «Теперь всего лучше, что дела в Литве приходят к концу, следовательно, и может в оной миновать и вся ваша забота о тамошнем крае. Теперь остается нам ожидать происшествий наступающего сейма, а вам либо покажет оной сколько ни есть к пресечению всех польских замешательств». Панин даже не исключал возможности вывести из Польши некоторую часть русских войск⁷⁶. Иными словами, еще в середине октября 1768 г. в Петербурге надеялись на успешный для русской политики

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 15 (26) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 1–3 об.

⁷⁵ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 18 (29) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 28–30 об.

⁷⁶ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 2 (13) октября 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 945. Л. 45 об.

исход сейма, на поддержку со стороны Чарторыйских, на реализацию, хотя бы в некоторой части, программы Репнина.

Однако с конца октября инструкции Панина приобретают иную тональность. В депеше от 17 (28) октября, когда в Петербурге были уже получены донесения Репнина о неудовлетворительном исходе сеймиков, руководитель русской внешней политики выражает обеспокоенность «сборищем новых лиц в Варшаве» и поручает послу принять все меры «к отвращению всяких опасностей от собственной вашей персоны, от персоны короля и от столицы польской», требует принять самые решительные меры против Радзивилла и его милиции, вплоть до штурма Несвижа. Для этого Панин в ответ на просьбу Репнина распорядился прислать из Смоленска артиллерию для усиления корпуса Нуммерса в Литве⁷⁷.

В написанном в тот же день и незамедлительно утвержденном Екатериной II постскрипту⁷⁸ Панин информирует Репнина о положении при султанском дворе, где решение о начале войны с Россией пока не принято и «одно прибытие нового визиря может точно решить настоящий кризис». Поэтому, продолжал Панин, он не видит оснований для «отмены всех прежних наставлений». В первую очередь это касалось планов проведения сейма. «Я сердечно сожалею, – писал далее Панин, – что вы отчаиваетесь от содержания сейма. В сей кризис он, сколько ни малолюден был бы, однако ж, весьма полезен для наших дел с турками», поскольку его созыв может удержать большинство шляхты от присоединения к Барской конфедерации. Если же созвать сейм и достичь поставленных целей не удастся, то Панин предлагал «что-нибудь подобное сделать сенатским советом»⁷⁹. Таким образом, были подтверждены все инструкции Репнину, относящиеся к предстоящему сейму, однако главным мотивом на этот раз стала попытка предотвратить надвигающуюся войну с Турцией. В связи с этим Панин, правда в иносказательной форме, поручает Репнину указать правящим верхам шляхетской республики, «что те, у коих хотя малая искра прямого разума остается, не могут не предусматривать всех себе крайних бедствий от турецкой войны. <...> Они [турки], конечно, по одной щедрости за них вступаться не захотят, а несумненно, нацеливают

⁷⁷ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 17 (28) октября 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 169–171.

⁷⁸ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. Постскрипту к депеше от 17 (28) октября 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 171–172.

⁷⁹ Там же.

на какую-либо провинцию. Нам же вредного ничего не прибавится, когда мы, увидя продолжающимся такое католико-фанатическое у поляков ослепление, поступимся туркам частью из Польши, а сами удовольствуемся выгоднейшим округлением своих границ»⁸⁰. Примечательно, что в конце этой фразы Панин по сути процитировал высказывание З. Г. Чернышева 1763 г., а также высказал мысль о возможности урегулирования кризиса в русско-османских отношениях за счет Речи Посполитой. «На сих кондициях, – продолжал Панин, – турки скоро перестанут заступать за католический фанатизм <...> и уступят нам утверждение наших с республикою актов последнего сейма, ибо в оных они их существительного интереса сами оспорить не могут»⁸¹. Процитированная заключительная часть панинского постскриптума должна была предостеречь правящие верхи Речи Посполитой от грозившей Польше опасности. Вряд ли шляхта, составлявшая массовую основу барского движения, осознавала ее в достаточной мере. В правящих верхах ощущение надвигавшейся угрозы было всеобщим, однако предвидение ее возможных политических последствий отсутствовало. Правда, и в Петербурге, и при других европейских дворах хотя и полагали, что политическая система европейского континента, особенно на востоке и юго-востоке, стоит на пороге потрясений, но все же контуры грядущих перемен были скрыты от политических наблюдателей.

Новые инструкции Репнину, уже с учетом разразившейся войны с Оттоманской Портой, были направлены в начале ноября 1768 г. В депеше Панина⁸² главное внимание было сосредоточено на тактике Репнина в отношении «фамилии». Руководитель русской внешней политики предписывал послу продолжить начатые переговоры с Августом Чарторыйским, «а на каком основании, – вот моя первая идея <...>. Положение наше с турками требует теперь, чтобы Польша в рассуждении нас разделена была на две части, в которых бы одна согласно действовала с нами и представляла корпус нации, а другая, состоя из противников, служила бы нам некоторыми способами и к самому произведению войны на счет ее, сколько можно будет. Такое разделение было бы с сей стороны выгодно для содержания армий наших, а с первой – сходственно со славою и достоинством Ея Имп. величества, также и следственно с принципиями всех

80 Там же.

81 Там же.

82 Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 185–186.

наших по сию пору дел. Можно кажется и то положить, чтобы мы могли иметь на нашей стороне и всю Польшу, ибо недоброжелателям нашим стоило бы только для наружности покрыться одною маскою, но тут бы, вместо всякого от нея облегчения нам, нашлись бы принуждены без всякой в замену пользы нести при войне и без того тягостной всю тягость штатта республики».

С этой целью, по словам Панина, можно было бы пойти навстречу высказанной А. Чарторыйским мысли об «умягчительном изъяснении общей нашей гарантии», оформив это в соответствующей декларации. При этом статус диссидентов не должен быть затронут, по другим же вопросам возможны частные уступки, при условии недопущения принципиальных изменений конституции республики⁸³. Далее Панин писал, что ожидает по поставленным вопросам мнения Репнина. Таким образом, программа русского посла, инициированная королем Станиславом Августом, не была безоговорочно отвергнута (хотя бы формально), тем более что далее Панин поручал Репнину «посмотреть и посоветовать с воеводою ли русским или кем другим, о возможности созвания вследствие новой нашей декларации чрезвычайного сейма примирения, на котором бы намерения нашего в рассуждении раздела республики на две части, достигнуть могли, с сохранением к корпусу ее всех пристойных уважений»⁸⁴. Надо отметить, что в польской историографии эта позиция Петербурга трактуется как исключительно негативная по отношению к польской государственности. В российской же историографии она была отмечена только С. М. Соловьевым, который полагал, что в этом нашло отражение всего лишь личное сочувствие Репнина Станиславу Августу.

Однако приведенное рассуждение шефа русской внешней политики только подчеркивает придаваемое в Петербурге значение предстоящему сейму. Причем если ранее Панин допускал возможность реализации своих планов «и без сейма», на что подчеркнуто указывал В. Конопчинский⁸⁵, то теперь, даже когда план созыва очередного сейма, очевидно, оказался нереализуемым, то и в этом случае идея проведения чрезвычайного сейма осталась в качестве основания русской политической тактики, даже с учетом частичных уступок в вопросе о гарантии. В заключение Панин писал о неизменности принципиальной позиции России в отношении Станислава Августа

83 Там же.

84 Там же.

85 См.: *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 153.

и твердом намерении Екатерины II «защищать бескорыстно его самого и корону его»⁸⁶.

Таким образом, тактика Петербурга в Речи Посполитой в условиях объявленной Турцией войны существенно поменялась. Русское правительство отказалось от старой «радомской» практики протектората в отношении шляхетского сословия в целом посредством поддержания выгодного для России баланса между соперничавшими магнатскими группировками. Теперь перед Репниным была поставлена задача «разделить нацию», то есть обеспечить победу или хотя бы существенный перевес сторонников России, за счет подавления оппозиции, в частности путем взыскания с последней тех или иных контрибуций. Своего рода стимулом к репрессиям в отношении барских конфедератов и их сторонников послужила известная резолюция Екатерины II на депеше Репнина от 6 ноября 1768 г.⁸⁷ Дело состояло в том, что с самого начала боевых действий против конфедератов командование русских войск, руководствуясь старым польским правом, согласно которому шляхтич не мог быть арестован без санкции суда, отпускало пленных конфедератов на свободу, взяв с них письменное обязательство (рецесс) не участвовать в войне и не присоединяться к конфедерации. Такая практика была обусловлена, с одной стороны, сословной солидарностью русского и польского дворянства, а с другой – отсутствием в Польше в распоряжении русских военных отрядов мест заключения для пленных. Разумеется, имели место исключения, когда, начиная с мая – июня 1768 г., некоторых пленных конфедератов отправляли под конвоем в Киев, однако практика рецессов получила повсеместное распространение, при том что, обретя таким способом свободу, пленные тут же вновь присоединялись к конфедерации. По этому поводу Екатерина II написала резолюцию: «На завтра сих рецессов они сделаются такими же возмутителями. А если б, схвата, да в Сибирь на поселение, чтоб уменьшилося бы число их»⁸⁸. Таким образом, репрессии против барских конфедератов были санкционированы на самом высоком уровне, а число пленных, отправленных вглубь России, в том числе и в Сибирь, с этого времени неуклонно возрастало. Однако командиры русских военных отрядов по-прежнему, из сословной ли солидарности

⁸⁶ Н. И. Панин – Н. В. Репнину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. // СИРИО. Т. 87. С. 185–186.

⁸⁷ Н. В. Репнин – Н. И. Панину. Приложение к депеше от 26 октября (6 ноября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 102–103 об.

⁸⁸ Там же. Л. 102.

или из-за невозможности обеспечить конвоирование и содержание арестантов, нередко отпускали их на свободу.

К началу ноября 1768 г., накануне открытия сейма, стало уже очевидно, что его негативный исход был предопределен. Однако имеются свидетельства, что и в этой ситуации идея сотрудничества с Россией ради реализации программы реформ разделялась в польских верхах не только Репниным и Станиславом Августом. Накануне сейма в ее поддержку высказался Ф. К. Браницкий – представитель молодого поколения польской аристократии, человек и лично, и политически близкий как к королю, так и к Репнину, и вместе с тем представлявший один из могущественных магнатских родов шляхетской республики. Общая негативная оценка Браницкого в историографии сложилась в связи с его политической ролью в 1780–1790-е годы как одного из соучастников разделов Речи Посполитой. В 1768 г. коронный ловчий был еще далек от геростратовой славы, ожидавшей его в будущем, и поэтому его политические соображения периода начала Барской конфедерации не должны восприниматься априори негативно. В конце октября 1768 г. Браницкий писал Станиславу Августу о том, что в начавшейся войне с Турцией Россия способна одержать победу, и что с точки зрения подобной перспективы королю было бы выгодно разорвать старый Карловицкий договор с Портой, заключить союз с Россией, объединив польские и русские войска. Последнее открыло бы возможность увеличить польскую армию⁸⁹. Проблема польско-русского союза и увеличения численности и соответственно мощи польской армии в XVIII в. детально исследована в историографии⁹⁰, в частности в трудах Зофии Зелиньской⁹¹. В данном случае для нас важно, что даже во время войны с Барской конфедерацией этот вопрос сохранял свое значение и реальное политическое основание. Правда, в опровержение доводов Браницкого Конопчинский писал, что тот «хорошо предвидел российские победы – только в деле народа не проявил ни малейшего сочувствия, ни понимания». В подтверждение своих слов польский историк приво-дил высказывание Репнина по поводу упомянутого меморандума Браницкого. Русский посол писал Панину, что согласен с рассуждениями

⁸⁹ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 152.

⁹⁰ *Носов Б. В.* Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы // Славяноведение. 2001. № 2. С. 45–59.

⁹¹ *Zielińska Z.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001; *Zielińska Z.* Polska w okowach «systemu północnego». 1763–1766. Kraków, 2012.

Браницкого, но «по другой причине: он желает умножения наших здесь войск для спасения своей земли, а я для того, чтобы здесь театр войны сделать, а не в наших границах». Отмеченная Конопчинским и прозвучавшая в словах Репнина дилемма между ролью союзника и ролью театра военных действий неизменно сопутствовала теме польско-русского союза в отношениях между Россией и Речью Посполитой⁹², однако разрешиться она могла только на практике и в зависимости от конкретных исторических условий. Потенциально же она могла существовать только в качестве альтернативы, то есть при сохранении позитивной тенденции и соответствующих шансов на благоприятный исход для шляхетской республики.

Своего рода итогом меморандума Браницкого стало согласованное на раде короля с министрами адресованное коронному ловчему как командующему коронными войсками повеление Станислава Августа о запрете совместных действий с русскими войсками под командованием А. А. Прозоровского в случае вторжения турок в пределы республики. Браницкий должен был при этом объявить о своем нейтралитете, подчеркнув, что он действует также и в отношении конфедератов, после чего отступить со своим корпусом во Львов, предложив туркам и русским польское посредничество в возможных переговорах. Там же, на раде, было принято решение укрепить Каменец-Подольский и усилить гарнизон крепости, подготовив ее к обороне как против турок, так и против русских. Все эти решения, при всей их очевидной нереалистичности и непоследовательности, свидетельствовали о том, что правящие круги Речи Посполитой во главе со Станиславом Августом и «фамилией» твердо придерживались позиции демонстративного нейтралитета, изложенной Августом Чарторыйским на «решающей встрече» с Репниным 24 октября.

Король, министры и прибывшие к началу сейма в Варшаву некоторые сенаторы утвердили выработанный Чарторыйскими план проведения сейма. Министры постановили не устраивать приуроченной к открытию сейма мессы и других торжественных церемоний. В королевский замок на заседание собралось только восемь послов, при этом Литва ни одного посла не прислала. Старший по рангу среди депутатов сейма, посол краковский неофициально уведомил короля о невозможности открытия сессии сейма, после чего послы покинули замок, не будучи даже официально встречены ни королем, ни сенаторами. Последней попыткой Станислава Августа сыграть самостоятельную

92 Носов Б. В. Установление российского господства... С. 238–266.

роль в текущей политической обстановке стало объявление сторонниками реформ из королевского лагеря во главе с королевским секретарем Яном Борхом конфедерации, однако заметного политического эффекта эта акция не возымела⁹³.

На следующий день после описанных событий Репнин доносил Панину об обстоятельствах несостоявшегося сейма и отвечал на «свое-ручный» постскрипtum шефа русской внешней политики от 17 (28) октября, в котором тот утверждал, что проведение сейма было бы полезно для формального объявления Барской конфедерации вне закона⁹⁴. Репнин утверждал, что «сейма никакой возможности не было держать, имея только человек тридцать земских послов, которые сюда приехали. Другие не только уныли, но, можно сказать, умерли от настоящих турецких обстоятельств. Сверх же того и по законам невозможно было сего сейма держать, понеже из Литвы ни один земский посол не приехал, а без того не можно было его начать. Сенатский же совет не может наместить (заместить. – Б. Н.) сейма, ибо свыше есть его власти какое-либо государственное решение принять, а в настоящих обстоятельствах, когда те же самые сенаторы и на сейме, разделяя опасность с земскими послами, не хотели, однако ж, сейма держать, дабы не отозваться решительно на счет возмутителей, опасаясь им дать сие название, каким же образом можно довести их одних в сенатском совете весь сей страх на себя взять? Ваше сиятельство сами милостиво рассудить можете, что сие исполнить я никаким образом не в силах»⁹⁵.

Описывая «уныние» и «страх», воцарившиеся в варшавских верхах в связи с началом войны, Репнин видел в этом главную причину неудачи русской политики в связи с несостоявшимся сеймом, оставляя тем самым в тени вопрос о роли и ответственности «фамилии» и короля за их бездействие. Говоря о собственном «бессилии» исполнить повеления своего двора, русский посол тем самым стремился оправдать поведение Станислава Августа.

«Об обстоятельствах турецких, – писал далее Репнин, – иного донести не имею, как только прилагаю при сем экстракт из доношений графа Браницкого, сообщенный мне из королевского кабинета»⁹⁶. В этом приложении содержался меморандум Ф. К. Браницкого

93 *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 153–155.

94 Н. В. Репнин – Н. И. Панину. 29 октября (9 ноября) 1768 г. – АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 115–116 об.

95 Там же. Л. 115–115 об.

96 Там же. Л. 115 об.–116.

и комментарий Репнина, приведенный Конопчинским, относительно превращения территории Речи Посполитой в театр военных действий с Турцией. Однако следует отметить, что это рассуждение Репнина сделано уже после провала сейма, под влиянием очевидного нежелания и неспособности Чарторыйских пойти на сотрудничество с Россией и принять предложенный компромисс. В действительности Репнин и теперь не отвергал возможности реализации русско-польского военного союза и усиления польской армии, о чем говорилось в меморандуме Браницкого, приложенном к данной депеше. В ее заключении Репнин прямо заявлял: «Когда решитесь, Ваше сиятельство, и определите роль Польши по настоящей с турками войне, то тогда необходимо, считаю, будет сделать от Ея Императорского величества декларацию, сходную с теми видами. Заранее ж содержание оной определить не можно, не зная, как наш высочайший двор решится»⁹⁷.

Восстание Барской конфедерации стало неожиданностью для Петербурга, а его подготовка была скрыта и от российских властей, и от русских дипломатов, и от командования находившихся в Польше по приглашению Радомской конфедерации русских войск. Руководивший в Варшаве реализацией польской политики Екатерины II и командующий русскими войсками в Речи Посполитой посол (полномочный министр) Н. В. Репнин, решительно выступая за войну с конфедератами и признавая неизбежность войны с Турцией, сознавал, что установленная Россией политическая система в Речи Посполитой переживает серьезный кризис, грозящий существенными международными потрясениями. Вместе с тем он высказался за сохранение в борьбе с конфедератами политического строя и государственного устройства шляхетской республики, а следовательно, и статуса сейма как ее фундамента. Посол указывал, что итогом вспыхнувшей смуты может стать и должен стать только сейм, созыв которого предстоял осенью 1768 г. При этом позиция Репнина была обусловлена не только официальным статусом России как «гаранта польской конституции» и как протектора политической анархии шляхетской республики. Он по-прежнему оставался сторонником укрепления дееспособности шляхетского государства и с этой точки зрения разделял в определенной мере позицию короля Станислава Августа.

Таким образом, практически сразу вслед за установлением гарантии Екатерины II в отношении польской конституции система российского господства в Речи Посполитой подверглась угрозе свержения,

неуклонно нараставшей по мере расширения барского движения. Это положение практически не изменилось к осени 1768 г., несмотря на военные победы над конфедератами, одержанные русскими войсками и сохранившими верность королю Станиславу Августу частями польской армии под командованием Ф. К. Браницкого. Однако «российская гарантия», помимо правовой констатации российского протектората над шляхетской республикой, обернулась и своей другой стороной. Россия таким образом принимала на себя обязательства не только охраны королевского статуса Станислава Августа, но и, прежде всего, сохранения польской государственности и ее республиканских институтов, что, по крайней мере в этой своей части, не противоречило ни правам, ни интересам польского благородного сословия.

Вплоть до формального объявления Портой войны России Петербург и Н. В. Репнин, игравший в Речи Посполитой ключевую роль в осуществлении русской политики, выступали за активизацию действий военной и финансовой комиссий с практической целью не только сохранить королевскую корону Станислава Августа, но и мобилизовать силы правительства на борьбу с конфедератами, что, с одной стороны, способствовало легитимации военных действий русских войск, а с другой – противодействовало разрушительным действиям Барской конфедерации по отношению к польско-литовскому государству. К этой же цели были направлены меры по проведению выборов депутатов коронного и литовского трибуналов, что должно было противостоять разрушению судебной системы Речи Посполитой и захвату судов в руки конфедерации. Важнейшую роль в сохранении польской государственности имели и усилия России, направленные на восстановление властных полномочий сената и сейма. Разумеется, главным содержанием политики Петербурга было сохранение российского протектората и трактата о гарантии. Однако объективно политика России соответствовала задаче сохранения польской государственности, что могло бы составить основу совместных действий Репнина и лагеря сторонников Станислава Августа.

Разрешение возникшего кризиса было связано с созывом сейма при конфедерации. Сейм, согласно русским планам, должен был создать условия если не для ликвидации Барской конфедерации, то, по крайней мере, для ее изоляции внутри Речи Посполитой, для лишения ее поддержки со стороны большинства шляхты и со стороны магнатских верхов. С самого начала движения за спиной барских конфедератов стояли магнатские группировки, оказывавшие им временами скрытую, временами явную поддержку, без которой мобилизовать людские

⁹⁷ Там же. Л. 116 об.

и материальные ресурсы страны на поддержание шляхетского рокоша было едва ли возможно. При этом и Репнин в Варшаве, и его шефы в Петербурге сознавали, что вряд ли удастся погасить пламя конфедерации, опираясь на одну из магнатских группировок.

Это в полной мере продемонстрировало проведение посольских сеймиков. Последнее имело для русской политики в Польше принципиальное значение. От возможности установления над земскими шляхетскими корпорациями действенного российского контроля в решающей степени зависело формирование конфедерации, способной противостоять «барскому рокошу», в том числе объявив его незаконным с позиций формальной легитимности. Начавшаяся русско-турецкая война и недееспособность польских магнатских группировок, что выразилось в не состоявшемся в ноябре 1768 г. сейме, кардинально изменили политическую обстановку и заставили Петербург искать новые военно-политические решения, в частности в вопросе о русско-польском союзе. Однако вплоть до начала активных боевых действий с Турцией инерция прежнего политического курса еще сохраняла свое действие.

Вместе с тем усилия России, направленные на борьбу с Барской конфедерацией, включали отнюдь не только военные, но и политические меры, которые объективно способствовали стабилизации польской шляхетской государственности и в определенной мере содействовали ее политической модернизации.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Данильчик А., Крих А. А., Мулина С. А. Барские конфедераты в Западной Сибири: Биографический словарь. СПб.: Алетейя, 2019. 644 с.

Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888. 407 с.

Носов Б. В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы // Славяноведение. 2001. № 2. С. 45–59.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 727 с.

Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб.: В типографии Э. Веймара, 1866. Т. 1. Год 1769. 364 с.; СПб.: В типографии Э. Веймара, 1866. Т. 2. Год 1770. 576 с.; СПб.: Типо-

графия К. В. Трубникова, 1874. Т. 3. Год 1771. 360 с.; СПб.: Типография и литография А. Траншеля. Т. 4. 1772 и 1773 гг. 418 с.; СПб.: Типография К. В. Трубникова и В. А. Полетики, 1874. Т. 5. Год 1774. 226 с.

Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб.: Университетская типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 г. 544 с.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1994. Т. 27–28. 638 с.

Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб.: Типолиитография С.-Петербургской тюрьмы, 1908. Т. 1. 1695–1800 гг. 273 с.

Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 488 с.

Adamski Ł. Zapomniane powstanie // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 8. [*Bohun T., Butterwick-Pawlikowski R., Kopczyński M., Ugniewski P.*] Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 9–13.

Bohun T. Koliszczyzna: bunt czy rosyjska inspiracja? // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 48–51.

Bohun T. Rosjanie przeciw konfederacji barskiej // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 44–47.

Dukwicz D. Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 18–21.

Grabski A. F. Dzieje historiografii. Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2003. 866 s.

Grabski A. F. Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976. 485 s.

Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 244 s.

Haratym A. Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orszańska // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 52–55.

Konfederacja barska 1768–1772 / pod red. A. Danilczyka. Warszawa: Wzdawnictwo Neriton, 2018. 137 s.

Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1986. Т. 2. 339 s.

Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa: Volumem, 1991. Т. 1–2. 982 s. (Сплошная пагинация).

Konopczyński W. Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków: Akademia Umiejętności, 1917. 432 s.

- Kopczyński M. Królobójcy? // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 31–34.
- Kosińska U. Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 14–17.
- Michalski J. Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // *Historia dyplomacji polskiej*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982. T. 2 / pod red. Z. Wójcika. S. 483–692.
- Michalski J. Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. 205 s.
- Milewski D. Portret zbiorowy liderów konfederacji // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 26–30.
- Milewski D. Taktyka konfederatów // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 39–43.
- Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette république. Paris: H. Nicolle & Desenne, 1807. Vol. 1. LXVIII+332 p.; Vol. 2. 566 p.; Vol. 3. 470 p.; Vol. 4. 432 p.
- Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 515 s.
- Waśkiewicz A. Rousseau i paladium szlacheckiej wolności // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 35–38.
- Wierzbicki A. Historiografia polska doby romantyzmu. Wrocław: Funna, 1999. 497 s.
- Zelińska Z. Polska w okowach “systemu północnego”. 1763–1766. Kraków: Arcana, 2012. 691 s.
- Zielińska Z. Stanisław August wobec konfederacji barskiej // *Mówią wieki*. 2018. № 3 (698). S. 22–25.
- Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa: Semper, 2001. 256 s.

References

- Adamski, Ł. “Zapomniane powstanie.” *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), p. 8. [Bohun, T., Butterwick-Pawlikowski, R., Kopczyński, M., Ugniewski, P.] “Rokosz; czy powstanie? O konfederacji barskiej z profesorami Richardem Butterwickem-Pawlikowskim i Piotrem Ugniewskim rozmawiają prof. Michał Kopczyński i Tomasz Bohun.” *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 9–13.
- Bohun, T. “Koliszczyzna: bunt czy rosyjska inspiracja?” *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 48–51.
- Bohun, T. “Rosjanie przeciw konfederacji barskiej.” *Mówią wieki*, 2018, No. 3 (698), pp. 44–47.

- Danił'chik, A., Krikh, A. A., Mulina, S. A. *Barskije konfederaty v Zapadnoi Sibiri: Biograficheskii slovar'*. St. Petersburg: Aleteiia, 2019, 644 p.
- Dukwicz, D. “Rzeczpospolita w polityce Rosji w dobie konfederacji.” *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 18–21.
- Grabski, A. F. *Dzieje historiografii*. Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2003, 866 p.
- Grabski, A. F. *Myśl historyczna polskiego oświecenia*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976, 485 p.
- Grabski, A. F. *Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972, 244 p.
- Haratym, A. “Pożegnanie z Rzeczpospolitą. Konfederacja orszańska.” *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 52–55.
- Khronologicheskii ukazatel' vojennykh deistvii russkoi armii i flota, vol. 1, 1695–1800 gg.* St. Petersburg: Tipolitografiia S.-Peterburgskoi tiur'my, 1908, 273 p.
- Konfederacja barska 1768–1772*, ed by. A. Daniłczyk, Warszawa: Wzdawnictwo Neriton, 2018, 137 p.
- Konopczyński, W. *Dzieje Polski nowożytnej, vol. 2*. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1986, 339 p.
- Konopczyński, W. *Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej*. Kraków: Akademia Umiejętności, 1917, 432 p.
- Konopczyński, W. *Konfederacja barska, vol. 1–2*. Warszawa: Volumem, 1991, 982 p. (Сплошная пагинация).
- Kopczyński, M. “Królobójcy?” *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 31–34.
- Kosińska, U. “Jak i dla czego Rzeczpospolita przestała być podmiotem polityki międzynarodowej w XVIII wieku.” *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 14–17.
- Michalski, J. “Dyplomacja Polski w latach 1764–1795.” *Historia dyplomacji polskiej*, vol. 2, ed by Z. Wójcik, Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982, pp. 483–692.
- Michalski, J. *Schyłek konfederacji barskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970, 205 p.
- Milewski, D. “Portret zbiorowy liderów konfederacji.” *Mówią wieki*, 2018, no. 3 (698), pp. 26–30.
- Milewski, D. “Taktyka konfederatów.” *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), pp. 39–43.
- Nosov, B. V. “Plany zakliucheniia russko-pol'skogo soiuzha v 1764 godu: k obsuzhdeniiu problemy”. *Slavianovedeniye*, 2001, No. 2, pp. 45–59.
- Nosov, B. V. *Ustanovleniye rossiiskogo gosподstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* Moscow: Indrik, 2004, 727 p.
- Serejski, M. H. *Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970, 515 p.
- Solov'jev, S. M. *Sochineniia. Kniga no XIV. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen, vol. 27–28*. Moscow: Mysl', 1994, 638 p.

Waśkiewicz, A. "Rousseau i paladium szlacheckiej wolności." *Mówią wieki*, 2018, № 3 (698), pp. 35–38.

Wierzbicki, A. *Historiografia polska doby romantyzmu*. Wrocław: Funna, 1999, 497 p.

Zelińska, Z. *Polska w okowach „systemu północnego”. 1763–1766*. Kraków: Arcana, 2012, 691 p.

Zielińska, Z. "Stanisław August wobec konfederacji barskiej." *Mówią wieki*, 2018, no 3 (698), p. 22–25.

Zielińska, Z. *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*. Warszawa: Semper, 2001, 256 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

B. V. Nosov

The Russian guarantee of the statehood of the szlachta-controlled Polish–Lithuanian Commonwealth and the Russian policy in Poland at the beginning of the uprising of the Bar Confederation (1768)

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

Nosov B. V. The Russian guarantee of the statehood of the szlachta-controlled Polish–Lithuanian Commonwealth and the Russian policy in Poland at the beginning of the uprising of the Bar Confederation (1768) // Slavic Almanac. 2022. No 3–4. P. 12–55 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.1.01

Received: 15.08.2022.

Abstract

The article deals with the policy of Russia in Poland in the 18th century, aimed at establishing the dependence of the szlachta republic on St. Petersburg. This policy was also implemented in the initial period of the uprising of the Bar Confederation, which broke out after the ratification by the Sejm in February 1768 of the Russian-Polish treatise on the guarantee of the statehood of the gentry republic and the equalization of

the class and political rights of the Catholic and the dissident (Protestant and Orthodox) szlachta. Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the author considers the attempts of the Russian ambassador in Warsaw N. V. Repnin to enlist the support of the Polish king and magnate groups (primarily of the “family” of the Czartoryskis) to convene a new Sejm, which was supposed to declare the confederation illegal. The failure of attempts to convene the Sejm and the beginning of the Russian-Turkish war of 1768–1774 predetermined the failure of the policy of St. Petersburg to achieve a solution to the crisis that had arisen through a compromise with the magnate tops. At the same time, the political efforts of Russia during the preparation of the Sejm in the autumn of 1768 objectively contributed to the stabilization of the Polish statehood and, to a certain extent, its political modernization.

Keywords

Political system of the Polish–Lithuanian Commonwealth, Russian policy in Poland in the 18th century, privileges of the Polish szlachta, Polish reforms, Sejm, Bar Confederation.